

САТИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ ЭСЕНГУЛА ИБРАЕВА (1934-2005)

В историю нашей кыргызской литературы Э. Ибраев вошел как крупный мастер поэтической сатиры. Свое творческое кредо он сам сформулировал с доходчивым саркастическим юмором в стихотворении о кыргызском языке. Вот эти слова (в переводе Я.Козловского):

«Он то похож на грубый нож,
Что для зачистки шкур хорош,
А то остер, прекрасен,
Подстать клинку опасен» (1)

Из этого поэт исходил, шлифуя свой язык порой до блеска. В сатирических стихах он достигает краткости и емкости так, что они у него, действительно, как взмах клинка. Вот, например, как он пишет о спиртных напитках:

«В кепке желтой «коньяк»¹,
В косынке белой «арак»,
И наделала делов
«Бормотуха» без слов» (1)

Речь идет о популярной в советские годы тройке – коньяк, водка (арак) и вино (бормотуха), а «кепка и косынка» - это цвет стандартных пробок из жести. Автор здесь предельно лаконичен, и ему не нужно лишних слов, чтобы создать «зрительный ряд». К сожалению, в некоторых случаях переводчики не увидели такой сути и породили свои ляпсусы. Вот, к примеру, как слова поэта о водке перевел С. Золотцев.

«Ак-хатын» (что значит «белая жена»)
Народу нашему сегодня не нужна.
Берегите от нее себя, киргизы:
Немало бед в себе таит она» (2)

Звучит фальшиво, потому что киргизы никогда не называют водку «ак-хатын», потому как «водка» для них всегда в мужском роде. Могли назвать «дурная вода» (с подачи Райкана, где вода не в женском роде) или «белый молдо» (с подачи Мидина), но никак не «белая жена» с подачи Золотцева, потому что у Ибраева такого словосочетания и вовсе нет. Полагаю, что переводчик тут вдохновился ложно понятой строчкой (мы ее привели выше) о той водочной пробке – «в косынке белой арак». Здесь нет нужды разъяснять, почему такой перевод вызывает недоумение у наших киргизов.

Поэт Э.Ибраев очень тщательно работал над своими текстами, умело избегая неуклю-жести в словах и тяжеловесности в мыслях. Отсюда у него и легкость, и простота стиля. Вот пример этого из стихотворения «Кыргызым» («Кыргызы мои»):

«Кто поверит словам,²

¹ Ибраев Э. заповеди /Перевод с кыргызского. – Москва: Барс,2000, - С. 17.

Что кыргызов люблю
Больше жизни своей.
Если в чем-то совру,
Кто увидит ту соль
Что есть в речи моей?»
«Если сладко спою,
Кто в песню поверит мою?
Если слезы пролью
Кто тайну доверит свою?» (1)

Мысль и чувства выражены просто и очень легко, слова в оригинале идут мягко, словно шаги в густой траве. Именно это и стремились мы передать в переводе. Но вот как передана форма и содержание вот этого же стихотворения в переводе С.Золотцева. Даем для сравнения.

«Кто поверит самым горячим клятвам моим
В том, что тебя, мой народ, я люблю как душу,
Если я хоть единым словом своим
Верность заветам предков нарушу?» «Но если я до донышка не обнаружу
Все грехи моей грешной души,
Кто поверит, что я люблю как душу
Свой народ, - ведь я столько сам нагрешил» (2)

Смысл оригинала, как очевидно, искажен, тонкая философия автора превратилась в некую исповедь грешника. Автору не было резона говорить о каких-то грехах, в оригинале нет даже намек на «грехи». Что касается выражения «тебя, мой народ, я люблю как душу», то это звучит не просто глупо, но и вычурно, потому как даже на русском языке так не выражаются. Речь в оригинале идет не о том, чтобы «любить как душу», а о том, что поэт готов жертвовать собой, что любит народ самозабвенно. Слово «жан» переводится как «душа», но в контексте слов может иметь массу значений. Вот этого контекстуального смысла переводчик и³ не понял, почему и дал отсебятину. Здесь вспоминается не только знаменитая рифма с «грушей», которую использовал В.Маяковский применительно к лицу одного из «парикмахеров», но и пример, который приведен в книге нашего кыргызского литературоведа К.Джидеевой. Она процитировала две строки из перевода эпоса «Манас»:

«Стала хлопотать Каныкей,
Двигаясь, как стройный элик»

И задала вопрос, зачем, мол, «элик», если можно написать «серна», к тому же «элик» мужского рода (1). Но лучше и «лань».

Ляпусы в тех переводах встречаются не сплошь и рядом, я обратил внимание лишь на те очевидные места, мимо которых не пройти. В переводах С.Золотцева есть и очень удачные

² Ибраев Э. Заповеди. Перевод с киргизского. Цитиров. изд., с. 125.

³Ибраев Э. Дабан. Цитиров. изд., с. 14-15.

² Ибраев Э. Заповеди. Перевод с киргизского. Цитиров. изд., с. 169.

образцы. Вот, например, концовка хлесткого сатирического сти-хотворения «Крутые слова»:

«Когда же мы устанем, перестанем мы
На митингах, на сходках, на собраниях
Часами обмусоливать пустяк?
Когда бы мудрость выражалась в восклицаниях,
Мудрее всех считался бы ишак!» (2).

Вот здесь уже передан стиль самого Э.Ибраева. Именно так и сконцентрировал он свой сарказм в одном этом коротком слове «эшек» (ишак). Вот еще один перевод С.Золотцева:

Так ты важен, будто ты один
Думаешь о всем народе нашем...
Нет, приятель, глубже погляди:
Каждый чем-то славен и украшен.
И на каждом – свой тяжелый груз.
Одноцветных нет и однотонных⁴
Среди нас ... Вон – даже и арбуз
Красен, хоть и кажется зеленым» (3).

Поэт стремится тут понять, где грани между вещами, каковы оттенки и полосы, почему не является золотом то, что так ярко поблескивает. Его тут волнует тема фальшивых понятий, то, что кыргызы называют как «жасалма кёрщнштёр» (искусственные явления). Вот такая юмористическая зарисовка под названием «Ташбака» («Черепашка»):

«Жаба пучеглазая
Пробежала перед ней,
Лапами сверкая.
Черепашка пожилая
Тихо молвила, вздыхая:
- Где же вы, мои года,
Когда я тоже, как она,
Бегать быстро так могла» (1).

Автор написал одну интересную вещь по мотивам сказки А.Пушкина о рыбаке и золотой рыбке. Сюжет здесь отражает время распада советских стандартов, то есть тот период «горбачевской перестройки», когда на фоне дефицита всех товаров и продуктов появились понятия «аренда» и «кооператив». Старик со старухой живут в своей хибаре. Он ездит на базар за продуктами. Однажды поймал золотую рыбку. И старуха требует машину сахара (для самогона), ящик чая, тонну мыла и дворец. И пришел старик со списком к воде, а рыба дает ему такой ответ.

1 Джидеева К. Поэтический перевод и взаимообогащение литератур. – Фрунзе: Кыргызстан, 1972, с. 96.
2 Ибраев Э. Заповеди. Перевод с киргизского. Цитиров. изд., с. 204.
3 Там же, с. 210.

«Ты седой аксакал или нет?

Как же ты можешь рыбе поверить

Двадцатого века, нынешних лет?!

Вижу - тебе тяжело ...

Но Пушкина время давно уж прошло» (1).

Это перевод поэта С.Золотцева. До этого момента он точно передал содержание оригинала, где речь идет, конечно же, об озере Иссык-Куль, которое нуждается в очистке от мусора. Но дальше он зачем-то изощряется и переводит так:

«В этой воде

Столько грязи и столько мочи!

Слушай меня, старичок, и молчи...

Я и сама задыхаюсь

В отравленной этой воде.

Еле дышу. Озеро это – в беде» (2).

В оригинале нет никакой «мочи». Применительно к Иссык-Кулю кыргызы это слово не применяют. Ибраев, как маститый кыргыз, такого не смог бы сказать (и во всем его внушительном поэтическом наследии я подоб-ного слова не нашел, хотя искал целенаправленно). Короче говоря, «мочи» в тексте нет, ее сюда влил переводчик. И в конце этой сатирической сказки он зачем-то дал такую абсолютную отсебятину:

«Кончилось доброе время (5)

В Киргизии и на Руси!..

Слышал мой голос? Прощай же, прощай.

Этот совет мой старухе своей завещай!

Рыба промолвила это – и в воду,

Сверкнув золотой чешуей» (1)

В оригинале нет слов «ни о Киргизии, ни о Руси, ни о добром времени». Нет по той причине, что автор никогда и не обсуждал столь примитивно такие быстро-текущие (точнее быстротечные) события дня. Он ведь был поэтом-сатириком, а не репортером-фельетонистом. А сказал он иначе – по мысли и по слогу. Вот эти строки (в нашем переводе):

«Такой ответ для тебя:

Пользы нет от меня,

Короче, старик, давай,

К старухе своей ступай»

«Меня ты услышал,

Меня ты увидел,

1 Ибраев Э. Заповеди. Перевод с киргизского. Цитиров. изд., с. 98.

2 Там же, с. 99.

А дальше уж сам живи,
Встречай свои серые дни»
«Чао» сказала рыба та,
И в воду ушла бесшумно,
Теперь дошло до старика,
Что был обманут умно,
Поплелся печально домой,
Шаркая тихо ногой» (2) .

Как видите, все гораздо проще, чем показалось переводчику. И нет здесь ничего от лозунгов тех дней. Это сказка глубже идей о перестройке, она о стариках, обманутых новым временем, об их разбитой вере в лучшее. Что же касается собственно самих лозунгов, то у него есть стихотворение «Кайда элек» («Где мы были»). Вот здесь и идет речь о том, где мы все были, когда жили под огромными такими партийными лозунгами и транспарантами. Переведем из этого произведения два отрывка. ⁶

«Вот!
Показался уже коммунизм,
Готовь подарок для себя,
Еще чуток и мы догоним
И перегоним США.
Но сил своих не рассчитали,
И чуть без хлеба не остались,
Вслух изрядно поругались!»
«Мы лозунги с утра писали
На красном таком сукне,
Когда не хватало кистей,
На склоне горы писали,
Делая буквы с камней,
И просто даром пропали
Усилия наши тех дней» (1).

То было время этих бесконечных лозунгов, на которые люди обращали внимание так же, как обращают сейчас на назойливую рекламу товаров и услуг. Теперь давайте перейдем к обзору тех персонажей, которые представлены в социальной сатире автора. Начнем с образа пьяницы. Стихотворение называется «Аялынан сураптыр» («Спросил у жены»):

«Не мог нажать на тормоза,
Тост за тостом заливал,
На ногах едва стоял,

⁶ Ибраев Э. Заповеди. Перевод с киргизского. Цитиров. изд., с. 100.

² Ибраев Э. Дабан. Цитиров изд., с. 212

Раздвоились его глаза.

Ночью он плелся к дому,

Спрашивал часто дорогу,

Дошел к себе, наконец,

А дома ждал его тесть,

Но зять того не узнал,

И жене своей сказал:

- Это что за старик

В доме нашем сидит?» (2)⁷

Теперь еще один раз обратим наше внимание на ляпсусы в переводческих текстах. Они имеют принципиальный характер.

И суть не в том, чтобы лишний раз упрекнуть переводчиков, а в том, чтобы освободить творчество поэта от ущербных элементов стихосложения, которые ему ложно приписаны. Изъянов ведь в оригинале нет. Вот стихотворение под названием «Бу щчөөсцз» («Без этих трех»). С.Золотцев дал этому заглавие «Триединство» и перевел так:

«... И сахар вкушал, и отведал шербет, и наелся медком.

И с влагой сосцов материнских

В младенчестве был я знаком.

Но сахар приелся, шербет надоел, да и медом пресыщен.

А вот с материнским, как прежде, дружу молоком» (1).

Сразу скажу, что более странного перевода я еще не читал. Так и хочется спросить, сам автор перевода «дружит с молоком». С «шербетом, медом и сахаром» тут все понятно, но как быть с «влагой сосцов мате-ринских». Что же это такое? Впервые слышу, чтобы по-русски «молоко матери» называли «влагой сосцов». Если ради рифмы, то рифмуй от себя, не пачкая оригинал, где нет ни «сосцов», ни «влаги». У автора просто и ясно звучит лишь два словосочетания – первое, это «эне сццз» (материнское молоко), второе, «эмдим эне эмчегин» (сосал грудь матери). Сказано это только один раз. Уместно и образно сказано в контексте этого весьма философского стихотворения, где сведено в триединство три понятия – мать, земля, народ. Из мудрой вещи переводчик сотворил глупые стихи, которые обрели анекдотичное звучание. Получилось так, что кыргызский поэт с годами перестал уже есть сахар, мед и шербет (видимо, из-за диабета), а вот материнское молоко он продолжает «употреблять».⁸ Осталось лишь уточнить – молоко-то чьей матери. Смешно, однако, но юмор и сатира тут «вытекают» прямо от самого переводчика.

А вот что сказал на самом деле автор в этом своем серьезном стихотворении. Переведем эти строки:

«В детстве я тоже грудь сосал,

Потом вкус шербета и меда познал,

1 Ибраев Э. Дабан. Цитиров. изд., с. 328-329.

2 Там же, с. 284.

⁸ Ибраев Э. Заповеди. Перевод с киргизского. Цитиров. изд., с. 174.

Но остался навечно в памяти
Вкус молока моей матери.
Пять десятков уже мне сейчас,
Побывал во многих круизах,
Там нет воды, какая у нас,
И соль не такая, как у кыргызов» (1) .

Только это вот и сказал автор, просто и лаконично. Завершим теперь разговор о переводах еще последним примером «ляпсуса». В стихотворении «Жайлоо сщрётц» («Картина джайлоо») автор с ностальгией говорит о прелести кыргызских пастбищ – юрта и горная речка, солнце и дым костра, чабаны, женщины, старики. Е.Колесников назвал это «Вечернее джайлоо» и написал так:

«Будто выбелены мелом
Юрты у речной луки,
В круг сошлись – в свеченье белом
Аксакалы-светляки» (2) .

Слово аксакал означает «белобородый старик», но это вовсе не «светляк». До такого еще никто у нас не додумался (если не считать «кругляка» применительно к Т.Молдо). Е.Колесников (в отличие от других наших переводчиков) много лет прожил в Кыргызстане и писал прозу. В оригинале говорится о том, что старушки сидят возле юрты и ткут пряжу, а старики сидят на пригорке и ведут свои благочинные беседы. Но они тут совсем не ассоциируются со «светляками». Это же не «сверчки», в конце то концов, чтобы осветлять рифму для переводчиков, по «находкам» которых уже впору писать отдельную книгу.⁹

Он, разумеется, не мог обойти своим поэтическим вниманием своих классических собратьев по цеху сатириков. И сделал это весьма оригинально. Написал, как бы на тот свет письмо Мидину Алыбаеву, потом, как бы получил от него оттуда ответ и обнародовал это. И получилось так, что будто это сам Мидин так щедро оценивает ушедших деятелей литературы и искусства (заостря внимание на персоне Райкана Шукурбекова), а потом, как бы детально отвечает уже Байдылде Сарногоеву. Иначе говоря, это был как бы ответ на то письмо Б.Сарногоева (написанное им Мидину) лично от Мидина через посредничество Эсенгула Ибраева. Если говорить еще проще, то по сути это был живой ответ сатирика Ибраева живому сатирику Сарногоеву. В такой вот связке состоялась такая удивительная переключка двух наших выдающихся поэтов (сверстников по возрасту¹⁰).

Прежде чем рассматривать это, мы переведем строки автора из его отдельного стихотворения «Мидинге» («Мидину»), где он оценивает грандиозную роль классика сатиры.

«Есть сладость трав в твоём стихе,
И колючек полно в языке,

1 Ибраев Э. Дабан. Цитиров. изд., с. 9.

2 Ибраев Э. Заповеди. Перевод с киргизского. Цитиров. изд., с. 259.

¹⁰ Ибраев Э. Дабан Цитиров. изд., с. 348

Талант такой – один на тыщу,
Имя твое никогда не забудут
Те, кто читать по-кыргызски будут» (3)
«Не проходил ты мимо рвачей,
Стихом их дотла сжигал,
И в горле гадких людей
Прочно, как кость, застревал»
«Сегодня издатели знают,
Как надо ценить твои слова,
Доходы они получают
Даже с копыт твоего «Осла»¹¹

Что на это скажешь. В десятку ведь бьет тут поэт. При этом не увиливает от того известного факта, который уважаемые исследователи всегда стараются тихонько обойти стороной. Он это обозначил всего двумя словами – «копыта Осла». Речь идет о том рукописном сборнике стихов Мидина, который именуется «Эшек дептери» (в переводе значит «Ослиная тетрадь»). Это стихотворчество, скажем так, весьма фривольного (нецензурного) содержания. Это похоже на сборник «Москва кабацкая» Сергея Есенина. Где-то автор лично сам импровизировал подобное при застольях, что-то ему приписали потом.

Во всяком случае, эти вещи он не писал на бумаге, а изрекал по ходу дел. Сам же и назвал их иронично «ослиной тетрадь», что имеет для кыргызов вполне определенный смысл. Это, как бы то, что бродит из села в село наподобие того одинокого осла, что где-то потерял своего хозяина.

Стихи этого цикла тоже бродили повсюду, следуя по пятам за Мидином. Они и по сей день бродят среди кыргызов. Их никто не загонит в стойло, они пройдут и сквозь стены, и сквозь века. Надо же при этом понять одну истину – величие сатирика они не умаляют, а «оттеняют». И запретить их издание тоже нелегко (закон не примешь на этот счет с уголовным преследованием). Подпольно их издают, будут издавать. Эти «нюансы» и отметил тонко Э.Ибраев в своем стихотворении.

Теперь переходим к объемной (из 770 строк) поэме «Письмо Мидину». Еще раз мы особо подчеркнем, что это есть письмо сатирика Эсенгула сатирику Байдылде через сатирика Мидина. Такого странного приема еще никто из кыргызских авторов не использовал. Здесь он сказал Байдылде то, что не мог сказать ни в каком другом жанре. Это полемика с Байдылдой. Он принимает вызов от дерзкого и опального сатирика, и становится тут рядом с ним. Плечом к плечу, как бы демонстрируя свою солидарность. Это была очевидная поддержка собрата по перу в трудный для того период. Он не оставил его одного, когда тот попал под пресс идеологов. Протянул свою руку и продолжил тему. И это было великолепно во всех смыслах. Очень благородно. Так поступали древние рыцари.

¹¹ Ибраев Э. Дабан. Цитиров. изд., с.243-244.

АДАБИЯТ ТААНУУ ЖАНА
ЖУРНАЛИСТИКА МАСЕЛЕЛЕРИ

Получилась творческая (или боевая) переключка в рядах кыргызских сатириков. Начинается эта поэма с цитирования слов Байдылды, с которыми тот игриво обращался к Мидину, затем следует и ответ от него (от Мидина, с того света) в язвительной форме. Понятно, что это все идет в трактовке Э.Ибраева. Мидин «советует» Байдылде не спешить к нему на встречу, что нет здесь ничего привлекательного, пусть лучше остается там и не хнычет, а берется за ум, не повторяя его ошибок. Потом он рассказывает о достоинствах деятелей кыргызской литературы и искусства, шуточно подначивая Байдылду. Здесь надо нам дать перевод из текста. Вот эта строфа:

«Слышу от тех, кто приходит сюда,

Идет о тебе такая молва:

«Создал батальон из пьяниц

Братишка твой Байдылда».

Эпоха твоя процветает,

Гимн в ее честь слагают,

Все, что хочешь, имеешь,

И как ты при этом смеешь

Творить такие дела,

Зачем «батальон» создавать,

С кем ты будешь воевать?!» (1).

В такой вот форме сумел автор (имеется в виду Э.Ибраев) выразить свое горькое сожаление по тому поводу, что Сарногоева окутывает «хмельная паутина». Автор, видимо, очень надеялся, что таким образом сможет как-то повлиять на сознание сатирика (Байдылда, потом, сумел избавиться от пагубного пристрастия).

Голосом Мидина автор советует ему тут (в его лице и всем кыргызским сатирикам) следующее:

«Включай без страха в стихи

Того, кто руки сует свои

В государственные мешки.

Также врагов неустанно рази,

Что злобу хранят в тиши.

Не будь малодушным, мой друг,

Смело смотри вокруг.

Гляди, как живет муравей

В поте лица своего,

Разве ты хуже его.

В стихах, прошу, не молчи,

Громко и храбро кричи,¹²

Если станет трудно кричать,

Ты можешь просто шептать» (2).

Такое вот завещание от сатирика Мидина озвучивает автор. И заканчивает он свою поэму уже прямой просьбой к Байдылде внять призыву и покончить с пристрастием к спиртному. Вот эта пронзительная концовка:

«Сгубит тебя дурная вода,
Брось ты водку, прошу тебя,
Хочу сказать тебе о том
Спокойным таким языком,
Когда я этим грешил,
То в строчку «другие» входил.
Просьбу эту, брат мой, прими
С кладбища «Ала-Арчи»,
Где прописан уже много лет
Мидин Алыбаев – поэт» (1).

На склоне своих лет Эсенгул Ибраев обращается к потомкам, призывая их проявлять мужество в борьбе с пороками века. Это выражено в его поэме «Илдет жана милдет» («Недуг и долг»), где речь идет о двух соблазнах, которые сам назвал словами «чылык» (напасть) и «былык» (гадость). Вот как это у него звучит.

«Найду карьериста,
В доверье войду,
Узнав его тайны,
В атаку пойду.
Стану валютой,
В карман войду
И душу там пленю.
Затем оседлаю,
В осла превращу,
Залью в него гадость
И в яму столкну.

1 Ибраев Э. Дабан. Цитиров. изд., с. 237.

2 Там же, с. 243.

Такая я «грязь»,

Такая вот «мразь».¹³

Автор перечисляет и все другие пороки (зависть, алчность, ревность), показывая, как может вспыхивать и загораться вражда между соседями. В конце поэмы поэт говорит о необходимости публично разоблачать эти пороки жизни. И говорит о жизненной необходимости сатиры для нашего общества как самого мощного средства противостояния злу.

«Бороться с «грязью»,

Сражаться с «мразью» -

Дело не простое,

Оно из всех святых

Самое святое.

Нужно критиков иметь,

Бьющих точно, наповал.

Открыто хочу сказать,

Что страх и равнодушие

Надо нам изживать,

В этом корни беды,

И просто обязаны мы

Корни эти корчевать» (1).

В последний год жизни поэт написал 36 стихотворений. В течение трех месяцев – апреле, мае и июле 2005 года. Умер он в начале августа. Вот в этих кратких и емких стихотворениях поэт подводит свои итоги. Говорит нам, чтобы мы никогда не верили карьерис-там, потому что они связаны круговой порукой:

«Будь осторожен с карьеристом,

Не подходи к нему близко,

Помни о том всегда –

Крокодила не жалит змея» (2).

Вот еще одно его наблюдение над фактом, когда наступаем на те же грабли, вновь оказываясь у той же самой пропасти.

«Звенья ты воедино связал,

То, что разбросано было, собрал,

Но разве при этом не глупость,

1 Ибраев Э. Дабан. Цитиров. изд., с. 243.

2 Ибраев Э. Насыят. Ырдар жынагы. – Бишкек: Кыргызстан, 2003, 384-б.

Что в старую яму попал» (3).¹⁴

Такое ощущение, что эти слова были адресованы второму президенту, который попал в ту яму, вырытую первым. Впрочем, яма эта остается открытой и для следующих наших президентов.

В стихотворении с символическим названием «Куда идем» автор говорит об издержках цивилизации, когда сильный давит слабого, когда человек истребляет человека:

«Опасность мы сами себе создаем,
За власть и деньги друг друга рвем,
Чем знаний больше,
Тем совести меньше,
Люди, куда мы идем» (1).

Поэт знал, куда он идет. И путь свой он прошел достойно. След на земле оставил яркий. С поэтическим словом явился к нам, с этим словом и ушел. Слово его на финише было обращено к поэзии, которая и стала для него алтарем. Вот последний стих, написанный им за неделю до смерти:

«Ко мне пришла она, как звезда,
Осветила мой путь земной,
«Песня» - святыня и радость моя,
Ставлю точку, прощаюсь с тобой...» (2)

Эстафету свою Эсенгул Ибраев передал уже 21 веку. И ему было что передавать. Великим оказался этот вклад кыргызского поэта в отечественную литературу.

¹⁴ 1.Ибраев Э. Насыят. Ырлар жыйнагы. Цитиров. изд., с. 386.
2.Ибраев Э. Жан дуйно жанырыгы. – Бишкек, 2006, 293-б.
3.Там же, с. 294.
1.Ибраев Э. Жан дүйнө жаңырыгы.Цитиров.изд., с. 307.
2.Там же, 328